

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писать о происхождении Второй мировой войны непросто. Прежде всего потому, что она стала самым масштабным и трагическим событием за всю историю человечества. По количеству отнятых ею жизней она превосходит все войны, которые люди вели до нее, вместе взятые. Цифры только прямых боевых потерь в годы войны составили как минимум 15–20 миллионов человек¹. А ведь были еще миллионы скончавшихся после ранений, пропавших без вести, неисчислимые жертвы среди мирного гражданского населения. Сюда же надо добавить и косвенные потери, такие, например, как невосполнимые демографические утраты послевоенных поколений. Львиная доля этих потерь приходится на Советский Союз. За сухими статистическими выкладками незримо стоят искалеченные судьбы миллионов и миллионов людей. Прямые материальные затраты многих государств — участников Второй мировой войны, включая те, что пошли на восстановление причиненных ею разрушений, вообще не поддаются исчислению и не укладываются даже в самом богатом воображении. Вторая мировая война поэтому еще долго будет оставаться в людской памяти, интересовать не только историков, но и огромное число читателей во всем мире.

Писать об этой войне трудно еще и потому, что о ней уже написаны горы литературы. Тем не менее многим авторам удается раскопать доселе неизвестные факты, позволяющие по-иному взглянуть на некоторые события тех лет. Или же предложить свою трактовку давно известных фактов. Конечно, не все работы, посвященные теме Второй мировой войны, отличаются творческим, исследовательским подходом. Многие «труды» просто повторяют друг друга, не внося в изучение предмета ничего нового. К сожалению, попадаете достаточное количество работ, носящих явно пропагандистский, идеологический характер. Хватает и таких, где в погоне за сенсацией откровенно передергиваются, а то и вовсе выдумываются «факты». Но серьезных, вдумчивых книг все равно очень много. Порой даже историку непросто отделить в огромном многообразии существующей литературы зерна от плевел, найти документы, свидетельства и исследования, достойные внимания и тщательного изучения. В любом случае тему Второй мировой войны еще долго нельзя будет считать закрытой. По крайней мере до тех пор, пока не будет снят гриф секретности со многих материалов,

по сей день хранящихся в закрытых архивах государств, бывших основными участниками событий того времени.

Еще одну трудность для историка, пишущего о происхождении Второй мировой войны, представляет насыщенность двух межвоенных десятилетий большим количеством событий — конференций, переговоров, соглашений, конфликтов... Возникновение после Первой мировой войны на карте мира многих новых государств и создание Лиги Наций сделали международную жизнь гораздо более сложной, чем в начале XX века. Большинство крупных международных событий межвоенного периода, тех, которые привлекали пристальное внимание современников и занимали первые полосы газет, так или иначе связаны с темой происхождения Второй мировой войны. Но писать обо всех них означало бы перегрузить работу важными, но второстепенными деталями. Возникла вероятность запутать читателя в массе событий, не имевших прямого отношения к главной теме. Конечно, при таком «выборочном» подходе всегда существует риск упустить что-то важное, но таким путем вынуждены идти все историки, пишущие о происхождении Второй мировой войны. Единственным исключением стала англо-американский историк Зара Стайнер. Но она разбила свое капитальное исследование на две самостоятельные книги², каждая из которых насчитывает более тысячи страниц. Еще одним исключением можно считать 3-й том Истории дипломатии³ — единственный обобщающий труд на тему о происхождении Второй мировой войны, вышедший на русском языке. Но у этого издания были другие цели — оно готовилось прежде всего как учебное пособие для советских студентов-международников. После его появления (1945 год) концептуально тема в советской историографии была закрыта. Дальше советским историкам можно было лишь «углублять» исследования тех или иных отдельных вопросов.

О работах советских историков следует сказать отдельно. В подавляющем большинстве они строго ограничены идеологическими рамками и носят очевидно пропагандистский характер. В Советском Союзе выходявшие на Западе исследования сразу попадали в спецхраны нескольких крупнейших библиотек (и туда-то попадало далеко не все). Это приводило к крайне ограниченному доступу историков к литературе по интересующей их теме. Наряду с идеологическими ограничениями это ставило советских историков в затруднительное положение. Они фактически вынуждены были читать и цитировать почти исключительно друг друга. Откровенно слабое знакомство с исследованиями западных коллег привело к автаркии советской исторической мысли. К сожалению, в постсоветской России, когда появилась возможность изучать все, что было написано за рубежом, и многие идеологические ограничения были сняты, эта тенденция к «варению в собственном соку» сохранилась уже в силу инерции. В результате советская и постсоветская историческая литература на тему о возникновении Второй мировой войны напоминает скорее мифотворчество.

Вторая мировая война началась в Европе. К ее возникновению привели взаимоотношения великих европейских держав. Поэтому главное место в книге уделено европейской политике Англии, Франции, Германии и Италии. Именно в четырехугольнике отношений между этими государствами зрели те противоречия и конфликты, которые привели в конечном итоге к возникновению войны. Что касается Советского Союза, то значительную часть межвоенного периода он был исключен из большой европейской политики. СССР оказался причастным к ней лишь на заключительном этапе, предшествовавшем возникновению войны. Соответственно, и политика Советского Союза рассматривается, главным образом, начиная со второй половины 1930-х годов.

События, происходившие в других частях света, прежде всего на Дальнем Востоке, не повлияли непосредственно на возникновение мировой войны, которая начиналась как европейская. Поэтому события в Азии остались фактически за рамками этой книги. (Хотя надо признать, что позиция Японии оказывала прямое влияние на европейскую политику Британии. Англичане всегда держали в уме возможность японского нападения на Сингапур и даже Австралию с Новой Зеландией в случае прямого военного столкновения Англии с Германией.) Напомню, что тихоокеанская война США и Японии началась через два с лишним года после развязывания европейской войны. Это, кстати, дает сегодня основание некоторым историкам датировать возникновение Второй мировой войны декабром 1941 года. А войны, шедшие в Азии (с 1937 года между Японией и Китаем) и в Европе (с сентября 1939 года между Германией, Польшей, Англией и Францией), считать отдельными, не связанными друг с другом региональными войнами⁴. Сам термин «Вторая мировая война» стал активно использоваться президентом Ф. Д. Рузвельтом уже после нападения японцев на Пёрл-Харбор. А до этого даже в Старом Свете было принято говорить о «Европейской войне», отличая ее от Мировой войны 1914–1918 годов⁵.

В какой-то степени ограниченное участие в европейских делах касается и Соединенных Штатов. Америка внесла решающий вклад в победу Союзников на заключительном этапе Первой мировой войны, а затем активно участвовала в создании послевоенной Европы. После этого она фактически самоустранилась от вовлеченности в европейские дела. В 1920-е годы США интересовались почти исключительно улаживанием послевоенных финансовых проблем на континенте, а в последнее предвоенное десятилетие занимали по отношению к Европе позицию внимательного стороннего наблюдателя. Невилл Чемберлен как-то заметил, что «в отношениях с Америкой лучше и безопаснее всего исходить из того, что кроме слов *ничего* не последует»⁶. Так, в общем-то, и было. Сообразно с этим в книге и рассказывается об американской политике. Все эти ограничения были необходимы для того, чтобы «сузить» исследование, рассказать лишь о том, что непосредственно вело к возникновению Второй мировой войны в привычной

для всех хронологии. Конечно, при таком подходе что-то неизбежно теряется, но он позволяет концентрировать внимание на главном, не отвлекаясь на важные, но все-таки второстепенные, на мой взгляд, моменты.

Композиционно книга состоит из трех частей. В первой рассказывается о последних днях Первой мировой войны и послевоенном мире. Это было время надежд. Народы всех стран ждали прочного и справедливого мира. В этой части объясняется, почему их надеждам не суждено было сбыться. Чаще всего в литературе, посвященной возникновению Второй мировой войны, просто констатируется, что противоречия, заложенные Версальским миром, стали одной из главных причин новой мировой войны. Это абсолютно правильно. Но мне хотелось подробно остановиться на том, что было сделано не так, какие еще варианты существовали у держав-победительниц и как получилось, что, имея самые благие намерения, они заложили под послевоенный мир мины замедленного действия, рванувшие через двадцать лет. В этой же части рассказывается, как случилось, что Советская Россия на долгие годы выпала из большой европейской политики, как готовился Брестский мир и начиналась интервенция. А начиналась она совсем не так, как было принято изображать в советской (а затем и российской) исторической литературе.

Вторая часть книги является основной. В ней рассказывается, как окончательно сформировалась версальско-локарнская система в послевоенной Европе и какой путь прошли европейские страны от подарившего новые надежды Локарно до отобравшего их Мюнхена. Как нацисты пришли к власти в Германии и что из этого вышло. Как закатилась звезда Лиги Наций, а вместе с ней и системы коллективной безопасности, на которую многие европейцы возлагали столько надежд. Здесь же говорится о том, какую роль в европейской истории сыграло право наций на самоопределение и как западные державы пытались исправить ошибки, допущенные в Версале. Иными словами, во второй части книги речь идет о том, как в течение нескольких лет европейцы лишились иллюзий и перед ними замаячила пугающая реальность новой мировой войны.

Наконец, в завершающей, третьей части книги рассказывается о событиях 1939 года. В ней говорится о том, как война, которую все предчувствовали и боялись, стала реальностью, и какую роль сыграл в этом вернувшийся в большую европейскую политику Советский Союз. Подобная структура книги позволяет, на мой взгляд, наилучшим образом проследить путь, пройденный Европой от одной мировой войны к другой.

Есть еще один важный момент, который необходимо сразу отметить. История любого вопроса не возникает на пустом месте и не обрывается раз и навсегда. Она всегда имеет свою предысторию и свои последствия. Это называется историческим процессом и отличает историю как науку от сухого изложения фактов в хронологической последовательности. Без понимания этого невозможно рассказывать об истории. Иначе окажется,

например, что Брестский мир был вынужденным шагом, продиктованным непонятно откуда взявшимися обстоятельствами. И что последствий в виде Гражданской войны у него тоже не было. А интервенция началась исключительно из-за желания задушить большевистскую власть. Без предыстории будет непонятно, как развивались, к примеру, англо-советские переговоры 1939 года и почему они закончились неудачей. Для того чтобы рассказать, хотя бы коротко, о предыстории того или иного события, периодически приходилось возвращаться назад, что нарушало хронологию общего повествования, но позволяло лучше понять суть рассматриваемого вопроса. То есть история главной темы этой книги освещалась с разных ракурсов, создавая своеобразный эффект формата 3D. В контексте данной книги это, прежде всего, относится к 8-й главе, названной «Мюнхен 1938». Ее можно считать центральной для всего повествования, и в ней речь фактически идет о прямом пути к войне.

Документов и материалов для написания книги было более чем достаточно. Сразу после Второй мировой войны англичане начали публикацию многотомных Документов британской внешней политики 1919–1939 (*Documents on British Foreign Policy 1919–1939*), которая продолжалась вплоть до середины 1980-х годов. Для удобства читателей все тома были хронологически и тематически разбиты на четыре серии (I, Ia, II и III). Далеко не все из них имели прямое отношение к возникновению Второй мировой войны, но те, что имели, оказались очень полезными при написании этой книги. Хотя надо иметь в виду, что подборка опубликованных документов дипломатической переписки могла и не включать те из них, с которых не был снят гриф секретности. Еще в большей степени это замечание касается и подборки документов МИДа, издававшихся в СССР в 1959–1992 годах (*Документы внешней политики СССР*). В закрытых российских архивах до сих пор скрываются многие документы, которые могут представлять большой общественный интерес.

После поражения гитлеровской Германии многие дипломатические документы, касающиеся происхождения Второй мировой войны, попали в руки Союзников. Американцы и англичане, начиная с 1949 года, стали систематизировать и публиковать попавшие в их руки документы, причем делали это одновременно в Лондоне и Вашингтоне (*Documents on German Foreign Policy 1918–1945*). Первоначально предполагалось, что будут изданы документы как Веймарской республики, так и Третьего рейха. Для этого их решено было разбить на серии. Но пока дело ограничилось публикацией документов только гитлеровской дипломатии (серии С — Нейрат и D — Риббентроп). Эти документы позволяют лучше понять, как функционировала нацистская дипломатия и какие цели ставил перед ней Гитлер.

К сожалению, многие документы, попавшие в руки победителей, страдают пробелами, и не всегда понятно, погибли их отсутствующие фрагменты в огне последних месяцев войны или ждут своей публикации, оста-

ваясь в закрытых архивах, часть которых оказалась в СССР. Американцы, например, опубликовали несколько томов очень интересных дневниковых записей Геббельса. Но в дневниках за 1939–1941 годы⁷ полностью отсутствуют записи с июня по октябрь 1939 года. Геббельс скрупулезно вел свой дневник и не мог не оставить ни одной (!) записи за период, непосредственно предшествовавший началу войны. Известно, что практически каждое утро он начинал с того, что записывал в дневнике события предыдущего дня. Вначале самостоятельно, а потом стал диктовать особо длинные записи стенографистке. В конце войны дневники Геббельса были микрофильмированы и спрятаны в лесу под Берлином. Оригиналы же Геббельс перенес в рейхсканцелярию, когда перебрался туда и сам. Известно также, что сохранившиеся дневники и микрофильмы попали в руки Красной армии. Где они? Погибли в огне или хранятся в советских архивах? Часть отсутствующих записей была опубликована в послевоенной Германии, но у исследователей вызывает сомнение их подлинность. В Советском Союзе, кстати, тоже было напечатано несколько тематических изданий германских документов, оказавшихся после войны в его руках (Архив Дирксена за 1938–1939 годы, например), но делалось это лишь от случая к случаю, а документы тщательно фильтровались.

В 1920-е годы были изданы воспоминания многих политиков и дипломатов, участвовавших в создании послевоенной Европы. Они, естественно, никак не были связаны с темой Второй мировой войны. Это было время надежд, и лишь самые прозорливые деятели выражали тогда опасения, что создаваемая с таким энтузиазмом новая Европа несет в себе зародыши больших потрясений. Дух того времени великолепно отражен в книге французской журналистки Женевиэвы Табуи, написанной в жанре политического репортажа⁸. Из книг, написанных еще до начала войны, стоит отметить работу «великого путаника», английского историка Эдуарда Карра⁹. Она появилась в июле 1939 года и охватывала период с 1919-го. До того как стать историком, Карр много лет служил в Форин Офис, изучал Советскую Россию и международное коммунистическое движение. Его работу вряд ли можно назвать историческим исследованием в строгом смысле. В ней много размышлений философского и морально-этического характера, основанных, в том числе, и на собственном дипломатическом опыте. Сегодня Карра принято считать одним из пионеров политической науки. Он действительно пытался выстроить теорию международных отношений и найти ей свое особое место в ряду современных наук. Его богатое творческое наследие состоит из множества противоречивших друг другу суждений, вносивших, скорее, путаницу в головы читателей.

Первая литература, посвященная непосредственно предвоенной дипломатии, стала появляться позже, вскоре после начала войны. Уже в 1941 году были напечатаны воспоминания английского посла в Берлине Невила Гендерсона¹⁰. А к работе над ними он приступил еще раньше, в октябре

1939 года. Чуть позже воспоминаниями отмечился и многолетний французский посол в Берлине Андре Франсуа-Понсе¹¹. Английский перевод его мемуаров вышел в 1949 году, а французский оригинал увидел свет тремя годами ранее. Такая поспешность западных послов вполне объяснима. Они хотели оправдаться перед соотечественниками и историей, объяснить всему миру, каким образом дипломатия, которой они следовали, привела к войне. Желательно было сделать это еще до того, как на свет появились публикации предвоенных документов.

Руководствуясь теми же соображениями, германские дипломаты принялись писать мемуары уже после войны. Им тоже не терпелось оправдаться, объяснить читателям, что они были против войны, которая привела к поражению Германии и принесла огромные бедствия немецкому народу. Практически у всех германских дипломатов и политиков, взявшихся после войны за перо, есть общая черта — они постарались переложить всю вину за случившееся на Гитлера. Пожалуй, лишь Риббентроп, писавший свои мемуары в камере во время следствия и судебного процесса в Нюрнберге, не стал делать этого¹². Он остался верен фюреру до конца и постарался, насколько это вообще было возможно, оправдать Гитлера, а заодно и себя.

Надо сказать, что воспоминания политиков и дипломатов носят, как правило, оправдательный характер. Их авторы хотят остаться в памяти потомков людьми с незапятнанной репутацией. Одним удастся это лучше, другим — хуже. Но грешат этим практически все без исключения. Немецкий историк Эрих Эйк сравнивал мемуары фон Папена¹³ со сказками барона Мюнхгаузена¹⁴. В той или иной степени подобное можно сказать о большинстве написанных мемуаров. Даже об очень живых и ироничных воспоминаниях Роберта Ванситарта¹⁵. Вообще, писать мемуары — это большое искусство. Некоторые из них так малоинформативны и написаны настолько скучно и неинтересно, что читаются с большим трудом. К таковым можно отнести, например, воспоминания бывших руководителей Форин Офис — Джона Саймона¹⁶ и лорда Галифакса¹⁷. В любом случае мемуары непосредственных участников событий важны не для установления исторической истины (здесь они зачастую могут, наоборот, вводить в заблуждение), а, прежде всего, для поиска существенных деталей, которые могли бы помочь в понимании тех или иных событий прошлого, характеристик людей, окружавших мемуариста. Еще лучше подходят для этого дневники, которые вели участники событий, а также их письма. Правда, в отличие от воспоминаний, они, как правило, публикуются значительно позже, после ухода из жизни писавших их людей.

Что касается воспоминаний советских дипломатов, то они страдают другим недостатком — чрезмерной идеологической нагрузкой, стремлением их авторов выставить в лучшем свете не только самих себя, но и страну, которую они представляли. Если не обращать на это внимание, то воспоминания посла в Лондоне И. М. Майского¹⁸, например, не только превосходно

написаны, но и содержат много интересной информации. В целом же надо сказать, что мемуарная литература, освещающая события двух межвоенных десятилетий, насчитывает большое количество изданий, многие из которых были использованы в работе над этой книгой.

Вторая мировая война еще не закончилась, когда были сделаны первые попытки проанализировать причины ее происхождения. Они были очень робкими и страдали от отсутствия точной документальной информации. В этом плане особняком стоит труд Уинстона Черчилля. Ему первому из авторов удалось воссоздать полную картину событий предвоенного времени. В конечном итоге из-под его пера вышло шесть томов, посвященных Второй мировой войне, за которые в 1953 году он получил Нобелевскую премию в области литературы. Непосредственно происхождению войны посвящен первый том, написанный Черчиллем в 1948 году и названный им *The Gathering Storm* (в русском переводе — Надвигающаяся буря¹⁹). У Черчилля, конечно, было преимущество перед другими авторами. Во-первых, он сам был участником многих событий того времени, а во-вторых, он начал работать над книгой еще в 1940 году, будучи премьер-министром Великобритании, то есть имея полный доступ к документам. После войны премьер-лейборист Клемент Эттли, сменивший Черчилля, разрешил последнему и дальше пользоваться закрытыми для всех остальных авторов материалами. Произведение Черчилля находится где-то на стыке мемуарной и исследовательской литературы. Написано оно, в любом случае, талантливо.

В 1961 году увидела свет знаменитая книга Алана Тейлора, выдержавшая с тех пор десятки изданий²⁰. Тейлор одним из первых среди историков попытался воссоздать всю картину международных отношений в Европе в промежутке между двумя мировыми войнами. Книга сразу стала объектом серьезной дискуссии и критики. Дело в том, что Тейлор несколько провокационно выступил против устоявшихся в мире оценок тех событий, которые привели к возникновению Второй мировой войны, а также представил Гитлера как обычного политика довоенного времени, мало отличавшегося от своих оппонентов. Это вызвало такой всплеск возмущения, особенно в Германии, что во всех последующих переизданиях своей, в целом очень интересной и серьезной книги, Тейлор вынужден был оправдываться. «Я сожалею, — писал он, — что моя книга огорчила простодушных немцев, решивших, что я оправдываю Гитлера... Не моя вина в том, что согласно фактам австрийский кризис инициировал Шушник, а не Гитлер; не моя вина в том, что согласно фактам заглавную роль в разделе Чехословакии сыграло британское правительство, а не Гитлер; не моя вина в том, что в 1939 году британское правительство создало у Гитлера впечатление, будто оно предпочтет скорее принудить поляков к уступкам, чем противостоять Гитлеру. Если все это говорит в пользу Гитлера, то вина за это лежит на тех мифах, которые повторялись историками без тщательных проверок... Развенчивание этих мифов не является оправданием Гитлера. Оно служит восстановлению

исторической правды»²¹. Иными словами, Платон мне друг, но истина дороже. Допускаю, что Тейлор пришел к ряду весьма спорных и сомнительных выводов, поскольку не был знаком с некоторыми документами, опубликованными уже после выхода его книги. Так или иначе, книга Тейлора до сих пор остается самой популярной и издаваемой в мире работой, посвященной происхождению Второй мировой войны.

Собственно говоря, после Тейлора в мире было предпринято не так много попыток написать книгу о происхождении Второй мировой войны, охватывающую весь межвоенный период, с 1919 до 1939 года. Можно вспомнить разве что работы П. Белла²² и Р. Овери²³, но и они хронологически сузили свои исследования, начав их с прихода нацистов к власти. Особняком стоят лишь две книги Зары Стайнер, которые уже упоминались. Что касается русскоязычной историографии, то вышедший в 1945 году 3-й том Истории дипломатии так и остался единственной полномасштабной попыткой раскрыть тему. Никто из советских и российских историков так и не решился повторить сделанное столпами советской исторической науки исследование. Что вполне объяснимо — слишком много было «деликатных» моментов в межвоенный период и слишком жестко обозначены идеологические рамки, выходить за которые было запрещено.

Это не значит, конечно, что историки совсем обходили стороной вопросы международных отношений двух десятилетий, разделявших мировые войны. Как я уже говорил, было написано много замечательных книг, посвященных отдельным аспектам истории политики и дипломатии того времени. Упомяну лишь несколько, наиболее известных исследований, оказавших сильное влияние на многие последующие работы. Это книга Гарри Рудина о перемирии 1918 года²⁴. Это замечательная книга Маргарет Макмиллан о Парижской мирной конференции и Версальском мире²⁵. Это работа Йона Якобсона о Локарнской конференции и ее последствиях²⁶. Это и самая полная из существующих двухтомная история Лиги Наций Ф. Уолтерса, бывшего заместителя Генерального секретаря этой организации²⁷. В 1992 году в России вышла книга американского историка Юрия Фельштинского о Брестском мире²⁸, развеявшая, наконец, тот идеологический бред, который вынуждены были повторять советские историки. В этом же ряду стоит и классическая История Веймарской республики в двух томах, написанная Эрихом Эйком²⁹. Из вышедших недавно работ хочется отметить небольшую, но чрезвычайно полезную и информативную работу Э.Э. Шульца, посвященную электоральной истории Веймарской республики³⁰. Естественно, этот список далеко не полон. Его можно было бы продолжать и продолжать.

В 1960-е годы к исследованиям, посвященным происхождению Второй мировой войны, подключились представители новой, делавшей тогда свои первые шаги науки — политологии. Вначале это были мысли общего порядка, когда попытки создать теорию международных отношений сопровождались примерами из европейской истории. Но постепенно поли-

тологи стали все серьезнее подходить к делу. Сегодня они проводят уже самостоятельные конференции, пишут целые книги, посвященные европейской истории между двумя мировыми войнами³¹. Я не против политологии (сам когда-то грешил), но попытки представителей этой науки перейти к исследованию конкретных исторических вопросов временами вызывают улыбку. Они практически не исследуют документы, а пользуются данными, собранными историками. Читают и ссылаются они в основном на самих себя. Чем-то все это напоминает ленинско-сталинский поход к истории, когда результат исследований надо было заранее подогнать под уже predetermined вывод. Что касается марксистских историков, то когда коммунистические схоласты вели ожесточенные споры о том, что более соответствует «подлинному марксизму» — диктатура пролетариата или власть рабочего класса, это оставалось их внутрисектантским делом. За абстрактной работой ума было даже интересно наблюдать. Теперь то же самое пытаются проделывать политологи. Их попытки подогнать под свои схемы живую историю часто выглядят нелепо. У меня вызывает большие сомнения то, что участники событий 1920–1930-х годов мыслили теми категориями, что пытается приписать им современная политическая наука. Тем не менее отдельные исторические работы политологов, посвященные, например, тому, какую роль коммунистическая идеология играла во внешней политике СССР в 1930-е годы, могут вызывать подлинный интерес³².

В ноябре 1918 года отгремели последние залпы Великой войны. Завершилась Первая мировая. Европа вслушивалась в наступившую оглушительную тишину и с ужасом оглядывалась вокруг. Казалось, что там, где еще недавно шли ожесточенные бои, нормальная, довоенная жизнь уже не наступит никогда. Миллионы загубленных жизней, сотни разрушенных городов, отравленные поля и реки, хаос и полная неразбериха во многих, вполне преуспевавших до войны странах. Даже в тех местах, которые война не опалила своим кровавым дыханием, царил мрак и запустение. На не знавших сражений полях некому было работать, потому что люди, делавшие это в забытые уже мирные годы, были убиты и лежали в земле далеко от своих сел и деревень. В нетронутых войной городах многие заводы были остановлены, так как их рабочие были также призваны в воюющие армии и сложили свои головы на различных фронтах. Уцелевшим людям не хватало самого необходимого — продовольствия, медикаментов, одежды, тепла и света. Денежные знаки ряда европейских держав обесценились и печатались триллионами, на которые, впрочем, все равно почти ничего нельзя было купить. Во многих местах ситуация усугублялась полным отсутствием какой-либо власти, что порождало анархию и бандитизм. Хуже всего положение было в странах, проигравших войну, но дела у победителей обстояли ненамного лучше.